

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации Казанкова Александра Игоревича
*«Крестьянская повседневность в эпоху “социалистической реконструкции”
деревни (1923–1937 гг.) на Западном Урале»»,*
представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по
специальности 5.6.1. – Отечественная история

За последние десятилетия исследования повседневности значительно продвинулись, однако многие работы сохраняют преимущественно описательный характер и не приводят к серьезным теоретическим выводам. Методологические разделы диссертаций нередко ограничиваются перечислением имен и трудов классиков, чьи подходы применяются упрощенно-позитивистки, что создает ощущение аналитической незавершенности.

Диссертация А. И. Казанкова выгодно отличается: автор не только реконструирует крестьянскую повседневность 1920–1930-х гг., но и предлагает теоретико-методологический инструментарий, последовательно соединяющий теорию и источники. Операционализированы понятия «жизненный мир», «поколение», «дом», «семья», «практики», раскрывающие явления повседневности через специфическое восприятие времени, пространства, жизненные стратегии по отношению к социальным переменам (приятие, сопротивление, поппибилизм). Тем самым предлагается убедительный аналитический язык, позволяющий перейти от статичных описаний повседневности к исследованию психоэмоционального опыта, механизмов переживания и адаптации.

Повседневность трактуется как область жизненного мира крестьян, где традиция задает нормы поведения, а реконструкция возможна только через изучение «голоса» актора. Исследовательская установка — слушать и интерпретировать свидетельства крестьян (с. 9–10). Источниковая база включает эго-документы, в том числе судебно-следственные материалы. Отдельно стоит отметить первую главу, где четко изложены методология,

историография и проанализирован корпус источников. Глава 2 посвящена реконструкции хронотопа жизненного мира: автором выделена «нормальная» модель повседневности, существовавшая до 1916 г.; первый разрыв в 1917 г.; краткая нормализация 1924–1926 гг.; окончательный разрыв 1929 г., совпавший с началом сплошной коллективизации и сопровождавшийся созданием нового хронотопа. Разрывы изменили восприятие времени, пространства и социальных связей. Убедительно показана роль возрастной оптики: дети без сопротивления принимают колхозную реальность и меняют свой повседневный статус; взрослые и старшее поколение выбирают различные стратегии притягивания или отталкивания новой реальности.

В главе 3 «Повседневные отношения и практики» рассмотрены семья, дом и хозяйство в контексте оппозиции «свои — чужие». Отмечена роль церкви и духовенства в деревенской повседневности. Приход показан как институт, уцелевший от прежней «нормальной» модели и поддерживавший устойчивость локального сообщества. Глава 4 раскрывает варианты усвоения результата «социалистической реконструкции деревни» — колхозной системы — на микроуровне через судьбы конкретных крестьян, что придает анализу эмпирическую глубину.

В целом, отмечая высокий теоретико-методологический уровень диссертации, хотелось бы уточнить некоторые моменты:

- 1) Возникает вопрос о степени типичности реконструированного в диссертации хронотопа повседневности крестьян Западного Урала в региональном и социальном измерении. Имеются ли внутренние вариации в зависимости от национальности, конфессиональной принадлежности, социально-экономического статуса крестьянского хозяйства?
- 2) Можно ли статистически оценить распределение крестьян в зависимости от стратегий усвоения?
- 3) Автор делает вывод, что «тотальная интервенция власти деформировала привычный хронотоп, рвала освоенные социальные

связи, демонтировала институты малой публичности, отменяла нормативно-ценностные основания жизни крестьян и крестьянок». Между тем новые формы социальной и хозяйственной организации крестьянства не отменяли полностью традиционные структуры повседневности, сохраняя в сфере колхозного управления элементы общинности, в сфере аграрного производства – индивидуальное хозяйство (крестьянский двор); в отношениях с государством – круговую поруку (соседские отношения); в сфере потребления – практики самообеспечения на семейном и деревенско-колхозном уровне. Гораздо более серьезные изменения в образе жизни крестьян происходят позднее – в послевоенной деревне – в ходе укрупнения колхозов и преобразования их в совхозы. Может быть, имеет смысл рассматривать «колхозный хронотоп» в качестве переходной модели крестьянской повседневности?

- 4) Можно ли говорить о влиянии стратегий неприятия на формирование более «мягкой» адаптивной модели колхозного хронотопа по сравнению с ранней фазой коллективизации?

Практическая значимость исследования очевидна: предложенный подход применим в изучении исторической памяти и источников личного происхождения (эго-документов). Результаты представлены на 17 международных и всероссийских конференциях и в 27 публикациях, включая 17 статей в рецензируемых изданиях ВАК (9 — в журналах, индексируемых WoS).

Судя по автореферату, представленная к защите диссертация соответствует требованиям актуальности и новизны, выполнена в русле современных тенденций исторической науки. Диссертация вносит заметный вклад в решение важной научной проблемы, имеет теоретическое и практическое значение. Диссертационное сочинение А. И. Казанкова соответствует пунктам 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней» (Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842). Автор достоин

присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности
5.6.1 — Отечественная история.

Заведующая кафедрой документоведения,
архивоведения и истории государственного
управления, Уральский гуманитарный институт, УрФУ,
доктор исторических наук
(по специальности 5.6.1 —
Отечественная история), доцент,
Мазур Людмила Николаевна

Федеральное государственное автономное учреждение высшего
образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина», 620062, Екатеринбург, ул. Мира, 19, тел.
(343)375-45-07, rector@urfu.ru, [http : //urfu.ru](http://urfu.ru)

23.09.2025 г.

Подпись *Мазур Л.Н.*
Заведующий документовед
Заверяю *Щуклина С.Н.*
/С.Н. Щуклина